

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Концепция суверенной власти Джорджо Агамбена

Тухватулина Лиана Анваровна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: spero-meliora@bk.ru

Одним из ключевых вопросов политической философии является проблема насилия. Интересной кажется попытка современного итальянского философа Джорджо Агамбена реинтерпретировать идеи В.Беньямина и К.Шмитта с позиции рассмотрения проблемы взаимодействия между суверенной властью и правовой нормой в связи с актуальностью вопросов прав человека и насилия в международной политической ситуации.

В основе концепции Агамбена лежит понятие «чрезвычайного положения», введенное Карлом Шмиттом. «Чрезвычайное положение» – пространство правового вакуума, зона аномии, «в которой парализованы все юридические понятия – и прежде всего различие частного и общественного» [2. 82]. Право исключает себя из действующего правопорядка, чтобы сохранить существование самого правопорядка. Шмитт называет чрезвычайное положение «высшей реализацией права», тогда как Агамбен задается вопросом: является ли чрезвычайное положение экстраординарной модальностью политического порядка или же его стоит осмыслить как имплицитную особенность реализации права вообще? Признавая, что «понятие применения. . . является одной из наиболее проблемных категорий. . . юридической теории», Агамбен пытается осмыслить процесс актуализации нормы через рассмотрение особенности лингвистической практики как формы всякого юридического действия: «как между языком и миром, как и между нормой и ее применением нет никакой внутренней связи, которая позволяла бы незамедлительно вывести одно из другого» [2.65]. Итальянский философ констатирует отсутствие связующего структурного звена в топологии «право-правопорядок» (норма – реализация нормы), способного обеспечить корреляцию между постулатом и действием. Ключевая особенность трактовки понятия Агамбеном заключена в следующем: выявленная «лакуна» в праве присуща праву имманентно. Фундаментальная неразличимость между «номосом» и «лакуной аномии» создает прецедент «чрезвычайного положения». В отличие от Шмитта, закрепившего за данным принципом политическую форму диктатуры, Агамбен деперсонифицирует режим «чрезвычайного положения», приписывая его как неотъемлемо присущий функционированию права: «..чрезвычайное положение отделяет норму от ее применения, чтобы сделать возможным само применение» [2.60]. Агамбен реинтерпретирует шмиттовскую концепцию «децизионизма», согласно которой решение суверена может прекращать действие права: для Агамбена «... ставкой является «сила закона» без закона. Именно благодаря ей выразим «специфический эффект чрезвычайного положения»: «.. изоляция «силы закона» от закона», где «... норма находится в действии, но не применяется (не имеет «силы») ... но акты, не имеющие значимости закона, обретают в этом состоянии «силу»» [2.63]. Основной нюанс между значениями двух понятий – «децизионизма» и «силы закона» - заключен в различии эксплицитной, в первом случае, и имплицитной – во втором - природы насилия, эпицентром которого становится «лакуна» в праве. Потенциал насилия открывается в

«устрашении определенностью» (Беньямин), в нацеленности на стирание «лакуны» в правовой структуре, в тотальности закона. «...если исходить из военного насилия как первоначального, прототипического насилия и на этом основании делать вывод в отношении любого другого насилия, применяемого в естественных целях, по любому подобному насилию свойственен правоустанавливающий характер» [2.73]. Амбивалентный характер насилия заключен в обратной референции правоустановления посредством насилия: с помощью насилия правовая система борется с потенциальным насилием - «... усматривает интерес в представлении и сохранении определенного судьбоносного порядка». [5.75] Правоустанавливающая и правоподдерживающая функции насилия, обозначенные Беньямином, действуют в сфере борьбы за монополию на интерпретацию нормы. Обнаруженное пространство «правового вакуума» является собой зону локализации высшей формы суверенной власти с ее правоустанавливающей интенцией. В этом смысле, правоподдерживающая функция насилия обращена на потенциальное противодействие, стремящееся закрепить новый правовой порядок. «Правоустановление является установлением власти, и в этом отношении оно есть акт непосредственной манифестации насилия». [5.89]

Одним из главных тезисов Агамбена является признание режима «чрезвычайного положения» как исключения права в качестве условия функционирования современной власти. Точкой отсчета крушения нормы как максимы социального порядка Агамбен признает феномен нацистского концлагеря Аушвиц: «Освенцим является именно тем местом, где чрезвычайное положение полностью совпадает с нормой, а предельная ситуация становится парадигмой повседневности». [3.52]. Агамбен полагает, что биополитическая власть нацистского режима как форма экзальтации суверенной власти кладет начало не прекратившейся до сих пор интенции к «политизации «голой» жизни».

Актуализируя идею, Агамбен стремится переосмыслить феномен вне-правового статуса задержанных американского лагеря Гуантанамо для содержания подозреваемых в террористической угрозе: «... не заключенные и не подсудимые, но лишь задержанные (detainees), в реальности они являются объектом чистого проявления власти.» [2.11]. Вне-правовое положение человека становится основой вне-правовой суверенной власти, действующей на принципах «чрезвычайного положения».

Таким образом, опыт поиска оснований суверенной власти, произведенный Джорджем Агамбеном, открывает новые аспекты в проблематике этико-правовых вопросов в политике: в первую очередь, вопросов о природе и нормативных границах власти, а также проблем критерия легитимности власти и принципов построения отношений «человек-государство».

Литература

1. Агамбен Дж. Суверенная власть и «голая жизнь» // Агамбен Дж. Homo sacer. М., 2011. Агамбен Дж. Чрезвычайное положение // Агамбен Дж. Homo sacer. М., 2011.
2. Агамбен Дж. Что остается после Освенцима. // Агамбен Дж. Homo sacer. М., 2011.
3. Арндт Х. Упадок национальных государств и конец прав человека. // Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

Конференция «Ломоносов 2012»

4. Беньямин В. К критике насилия.// Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М., 2012.
5. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.